
НАЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В НЕМЕЦКОЙ АВТОНОМИИ

Б.В. Гартвиг

Кафедра социологии, политологии и истории Отечества
Самарский государственный технический университет
ул. Молодогвардейская, 244, Главный корпус, Самара, Россия, 443100

В статье анализируется процесс создания системы высшего профессионального образования в Республике немцев Поволжья в 1920–1930-е гг. Автор рассматривает историю открытия высших учебных заведений для подготовки педагогического персонала для школ республики и мест компактного проживания немцев в СССР, а также профессиональных управленческих кадров для партийного аппарата республики, специалистов в сфере сельского хозяйства. Раскрываются трудности, с которыми столкнулись вузы немецкой автономии в период своей деятельности.

Ключевые слова: высшее образование, Республика немцев Поволжья, управленческие кадры, партийный аппарат, Немпединститут, НемСХИ, национальные кадры.

Говоря о национальной модели высшего образования в немецкой автономии, надо отметить, что до революции системы высшего образования для национальных меньшинств не существовало. Этот феномен возник только в советский период, когда Революция 1917 г. запустила механизм «национального самоопределения» на территории бывшей Российской империи. И российские немцы не стали исключением: немецкая Автономия образовалась в 1918 г. сначала как Автономная область, а с 1924 г. – как Республика (полное ее название Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья – АССР НП).

Новое советское правительство делало многое для создания и расширения сети профессиональных учебных заведений, готовящих кадры для народного хозяйства страны. Советская власть в первые годы декларировала равноправие народов, в том числе в вопросе получения образования на родном языке. В рамках реализации положений Декларации прав народов России в немецкой Автономии стала создаваться система профессионального высшего образования. За годы Гражданской войны сильно сократилось количество педагогического персонала в школах, поэтому главное внимание в первые послевоенные годы существования Автономии уделялось созданию учебных заведений, готовящих кадры для национальных школ. К тому же высококвалифицированные педагогические кадры необходимы были не только в немецкой Автономии, но и в других местах компактного проживания

ния немцев: на Украине, в Закавказье, в Белоруссии. Так, в Грузии для немцев было 4 школы II ступени, но «из-за отсутствия вузов для немцев дети были лишены возможности продолжать образование в вузах, хотя ежегодно школы заканчивали 20 детей» (1). Для устранения дефицита в квалифицированных педагогических кадрах для национальных школ в 1921 г. в Москве был открыт первый педагогический институт для лиц немецкой национальности. В 1925 г. он был переведен в Ленинград, но вскоре был закрыт, и проблема подготовки кадров стала еще более острой.

По постановлению Совнаркома РСФСР при педагогическом факультете Саратовского государственного университета с 1 октября 1926 г. было открыто отделение немецкого языка и литературы. До открытия Немецкого пединститута в Покровске это было единственное из всех немецких отделений педфаков и пединститутов страны, которое имело своей целью подготовку педагогических кадров для школ повышенного типа с преподаванием на немецком языке (2).

В 1928 г. Наркомпрос Республики обратился в Совнарком АССР немцев Поволжья с предложением о создании немецкого педагогического института, который готовил бы кадры для национальных школ автономии, а также мест компактного проживания немцев «с целью обслуживания всех немцев СССР» (3). В ответ на это обращение был создан оргкомитет для создания в Республике педагогического института, который работал с 10 октября 1928 г. по 23 ноября 1929 г. (4).

Профессором Г.Г. Дингесом был составлен краткий план развертывания института и смета, в которой были предусмотрены средства на оборудование кабинетов германской филологии и педагогики, общего языковедения, обществоведения и двух лабораторий – физической и химической. В первый год планировалось открыть отделения общественно-экономическое и немецкого языка и литературы. Для их работы, как считали члены оргкомитета, было «достаточно имеющейся в Покровской библиотеке литературы и не представляло особого труда обеспечить работу факультетов профессорско-преподавательским составом из Саратова» (5). Одновременно в смету расходов были заложены средства на строительство корпуса пединститута, общежития и дома для профессорско-преподавательского состава (6). Консультант оргкомитета профессор Г. Дингес, учитывая трудности привлечения людей науки в провинциальный Покровск, заложил в смету максимально возможные по тому времени ставки для преподавателей (7).

Особое место было отведено созданию фундаментальной научной библиотеки. А.К. Сынопалов совместно с Г.Г. Дингесом сделали все необходимое для сбора полных комплектов научных журналов, основных трудов, энциклопедий по всем специальностям – русскому языку и литературе, немецкому языку, обществоведению, педагогике, биологии, химии, физике, астрономии и математике (8).

Работа эта началась еще 21 ноября 1928 г., когда представитель АССР немцев Поволжья при Президиуме ВЦИК А. Шнайдер и профессор А.К. Сынопалов обратились через Наркомпрос РСФСР с просьбой передать неиспользованный книжный фонд (преимущественно на немецком языке) библиотеки Государственного политехнического музея и Общества любителей естествознания для комплектования библиотеки института и его кабинетов. Немало учебной литературы было получено из-за рубежа, в основном из Германии (9). Много ценных изданий по германской филологии и немецкой литературе было получено через профессора Пиземера из Кенигсбергского университета. Также одно время пединститут имел дело с издательством «Joseph Bauer & Co» во Франкфурте, которое уже на тот момент десять лет сотрудничало с Ленинской библиотекой в Москве и государственной библиотекой в Ленинграде (10).

Педагогический институт был открыт 1 октября 1929 г., что совпало с 11-летием провозглашения первой немецкой автономии. В газете «Трудовая правда» в передовице с названием «Кузница национальных кадров» писалось: «День 11-летия автономии немцев Поволжья ознаменован открытием в центре Немреспублики нового немецкого высшего учебного заведения – немецкого педагогического института. Педагогический институт будет готовить национальные кадры для всего немецкого населения Советского Союза» (11). Основной задачей нового учебного заведения было «превратить Институт в очаг социалистической культуры, центр педагогической работы Немреспублики, подготовки большевистских кадров, способных выполнить боевые задачи партии в воспитании образованных и культурных граждан» (12).

Ректором Немпединститута был назначен Иоганнес Фридрихович Шваб, проректором – Георгий Генрихович Дингес, в правление вошли ректор, проректор и от студенчества – парторг Зауэрвайн. Поскольку нарком просвещения Шваб не мог в полной мере осуществлять руководство вузом, фактически все руководство было возложено на Дингеса и Сынопалова (13).

Первоначально Немпединститут состоял из двух факультетов – лингвистического и историко-экономического, которые готовили соответственно преподавателей родного (немецкого) языка и истории. С сентября 1931 г. в педагогическом институте открылись еще два факультета: физико-математический и биологический. После этого Немпединститут одно время назывался Немагропединститутом. Планировалось, что со временем физическая лаборатория должна была перерасти в физический институт, химическая лаборатория – стать лабораториями органической и неорганической химии. В смету также были заложены средства на создание кабинетов ботаники, зоологии, геологии, математики, астрономии, археологии, русской литературы (14).

Первоначально к учебе приступило 65 студентов: 31 – на историко-экономическом и 34 – на лингвистическом факультетах, хотя норма приема постановлением СНК РСФСР от 18 июня 1929 г. составляла 80 человек (15).

Секретариат пединститута считал необходимым добиваться увеличения контингента осеннего приема со ста двадцати до ста пятидесяти, чтобы произвести прием на вновь открывшиеся физико-технический и химико-биологический отделения, на отделение германистики и историко-экономический факультеты. Но так как материальная база института не изменилась, то было решено в 1930 учебном году не проводить прием на дошкольное отделение (16).

Через год, в сентябре 1930 г., на историко-экономический факультет было зачислено 19 студентов, на лингвистический – 39. Кроме того, в том же учебном году при пединституте были открыты курсы дошкольных работников, куда было принято 17 человек. Таким образом, общее количество студентов в пединституте на втором году его функционирования составило уже 140 человек (17). Цифры приема в Немпединститут из года в год колебались. А в 1937 г. набор в пединститут вообще не производился. Количество подготавливаемых специалистов не могло удовлетворять потребности Республики в кадрах с высшим образованием (дефицит в кадрах составлял 1740 педагогов). При этом институт постоянно сталкивался с проблемой недобора: в 1935 г. по плану должно было быть принято в Немпединститут 270 человек, а подано только 221 заявление. К 1941 г. в педагогическом и учительском вузах на дневном, вечернем и заочном отделениях имелись факультеты литературы и языка, исторический, биологический, физико-математический, иностранных языков, действовало 15 кафедр. Это – кафедры всеобщей истории, истории народов СССР, педагогики, военной подготовки, немецкого, французского и английского языков, химии, физики, ботаники, геологии, биологии, физкультуры. Одной из главных была кафедра марксизма-ленинизма, организованная на базе кафедры социально-экономических наук по постановлению ЦК ВКП(б) Республики. «Основы марксизма-ленинизма» читались на всех курсах и факультетах (19).

На протяжении всего периода работы Немпединститут постоянно сталкивался с разного рода трудностями. Так, комиссия Наркомпроса Республики по расследованию беспорядков в Немпединституте, проведенная 24–27 июля 1930 г., установила, что «на 1930–1931 г. еще не разработана учебная программа. Потребность в кадрах составляет: профессоров 10, доцентов 9, ассистентов 9, лекторов 7, руководителей практики 2, всего 37 человек, а фактически работает: профессоров 3, доцентов 6, ассистентов 2, лекторов 3, всего 14 человек. Хотя вербовочная кампания развернулась хорошо, предварительные результаты неудовлетворительны» (20). Подбором литературы в библиотеке, особенно закупленными заграничными книгами, комиссия также осталась недовольна: «много книг совершенно ненужных» (21), «авторы заказа гнались за количеством книг, библиотека ничем не отличается от любой вузовской библиотеки самой Германии, где воспитывают в буржуазном духе, политичность всей библиотеки и самого заказа не выражена – редко находим книгу Маркса, Ленина, Энгельса, Либкнехта, Сталина и др. теорети-

ков и практиков пролетарской революции. Отсутствуют революционные книги, в то время как протоколы социал-демократических съездов и анархистской литературы в большом количестве» (22), «есть прямо контрреволюционная серия, которая должна находиться под особой ответственностью партии и быть недоступной для партийных студентов, книги таких авторов как Бисмарк, Лютер» (23).

В недостатках работы Немпединститута были обвинены А. Сынопалов и П. Рау. Так, им вменялась в вину недостаточная идеологическая работа, а именно: «неудовлетворительная идеолого-воспитательная работа среди коммунистов и комсомольцев, студенчества» (24), отсутствие «сплоченного коллектива преподавателей», чтение «идеологически невыдержанных лекций» (25). Конечно, профессор П. Рау пытался защищаться, отмечая тот факт, что «по теме “О происхождении индоевропейских рас” в советской литературе нет трудов с марксистским подходом и еще нет советской установки» (26). Но его доводы не были приняты к сведению. По резолюции комиссии П. Рау и А. Сынопалов были уволены (27).

Но увольнение «виновных» не улучшило положение дел института. И в 1934 г. положение дел с приемом все также оставляло желать лучшего – на 270 мест было подано 221 заявление (28). Сотрудниками института отмечалось, что значительная часть студентов неграмотна, у них отсутствуют элементарные географические знания, при этом в учебе коммунисты отстают от беспартийных, особенно на историческом факультете (29). Не хватало преподавателей, казалось бы, по таким первоочередным в то время дисциплинам, как история ВКП(б), ленинизм, политэкономия (30). К тому же Немпединститут не имел свободной площади для «проведения внеучебной культурно-воспитательной работы, что отражается на политической работе вуза» (31).

К 1937 г. завершилось строительство нового учебного корпуса Немецкого пединститута (32), было достроено также общежитие для преподавателей и студентов. До этого времени институт работал в непригодном помещении в две смены, отмечалось, что «в аудиториях грязно и разная мебель» (33). В качестве учебного здания пединституту было временно представлено здание сборного пункта республиканского военного комиссариата. В нем было всего 19 аудиторий на 28 учебных групп. Под общежитие института также временно были отданы подвальные помещения бывшего учебного корпуса и бараки Энгельсского Военстроя, где даже не было условий для учебной работы (34). Там удалось разместить 150 студентов, остальные вынуждены были «снимать койки» на частных квартирах, отдавая за это практически всю свою небольшую стипендию (35).

В 1937 г. результаты обследования отмечали низкую успеваемость студентов: успеваемость по русскому языку составила 86%, немецкому языку – 89%, истории – 88,1%, географии – 91%, арифметике – 81,5%, математике – 89% химии – 92 %» (36). Также отмечалось низкое качество медицинского обслуживания студентов, и как следствие – высокий «отсев по болезни – 50% от

численности учащихся» (37), «не было учета посещаемости, отсутствовал производственный план института» (38), некоторые преподаватели приходили на лекции «неподготовленными» (39).

Также не хватало жилья для преподавателей, вследствие чего квалифицированные педагоги долго не задерживались в институте.

В целом научно-педагогический уровень профессорско-преподавательского состава оставлял желать лучшего. В 1936–1937 учебном году в институте не было ни одного профессора и всего 5 доцентов. Свыше 10 преподавателей прибыли в институт после окончания аспирантуры, однако диссертации так и не защитили. Как отмечалось в одном из документов обкома ВКП(б), в Немпединституте «имеющиеся кадры с высшим образованием являются неплохими педагогами, но в силу того, что они не имеют достаточного опыта работы и ученых званий, не всегда в состоянии заменить отсутствующих профессоров и дать полноценный материал студентам» (40). Из 40 преподавателей педагогического института лишь 16 могли проводить занятия на немецком языке. Поэтому 65% всех занятий проводилось на русском языке, что создавало серьезную проблему для 40% студентов, слабо знавших русский язык, что заметно снижало эффективность занятий (41).

Успеваемость студентов в 1939–1940 учебном году составляла 54,8%. Отмечалось, что в 1941 г. значительное количество студентов учебных заведений Республики показало на зачетах неудовлетворительные знания, «особенно у студентов учительского института» (42).

Поскольку в АССР немцев Поволжья преобладал аграрный сектор экономики, колхозы и совхозы испытывали потребность в квалифицированных кадрах с высшим образованием: к началу 1930-х гг. дефицит агрономов составлял 320 человек, агрономов-полеводов – 160, зоотехников – 136, а для обслуживания школ крестьянской молодежи требовалось 80 человек (43). Для обеспечения сельского хозяйства Республики национальными кадрами в 1931 г. в Энгельсе был открыт Немецкий сельскохозяйственный институт с тремя факультетами: индустриально-земледельческий, зерновых культур, молочного хозяйства. Весной того же года в него было набрано по разверстке 100 студентов, осенью – еще 64 человека. Из этих студентов закончили институт в 1935 г. лишь 72 человека. В 1932 г. институт набрал 55 студентов, в 1933 – 100, в дальнейшем количество набранных на первый курс студентов колебалось вокруг этого числа. С 1936–1937 учебного года набор начал производиться на основе вступительных экзаменов. В 1936 г. было выпущено 25 специалистов, в 1937 г. – 59 (44).

Сначала предполагалось построить для института специальный учебный городок, на что Наркоматом земледелия СССР планировался отпуск средств. Институту во временное пользование далеко за городом передавался ряд построек, мало приспособленных для организации и проведения учебного процесса.

Однако так получилось, что в этих помещениях институту пришлось находиться довольно долго. Создание научного городка сельхозинститута превратилось в долгострой, поскольку средств на его возведение отпускалось мало, да и то с большими перебоями. Условия жизнедеятельности вуза можно определить как неудовлетворительные: отсутствие электроосвещения, водопровода, низкая температура в жилых и учебных помещениях, отсутствие налаженного регулярного сообщения с городом, острый дефицит преподавательских кадров, профессуры, отсутствие специальной литературы на немецком языке, демонстративного материала (45). Нехватка педагогического персонала, знающего немецкий язык, поставила НемСХИ перед необходимостью перевода образовательного процесса на русский язык, однако обком ВКП(б) АССР немцев Поволжья категорически отверг это предложение, оценив его как «политически неправильное» (46).

Успеваемость студентов в сельхозинституте была более высокой, чем в пединституте, хотя и здесь были неуспевающие, главным образом из числа коммунистов и комсомольцев, набранных туда по мобилизации.

В НемСХИ все лекции подвергались контролю; оценивались глубина, выводы, систематичность изложения, идеологическая направленность (47). Как положительный момент отмечалось, например, что «все лекции по анатомии и физиологии животных политически выдержаны» (48). Обком ВКП(б) Республики постоянно требовал «улучшения социального состава» преподавателей и студентов, что влекло за собой постоянные «чистки» (49).

Особенно мощная волна чисток прошла после того, как в мае 1935 г. в Немецком сельскохозяйственном институте произошло чрезвычайное происшествие – «совершенно беспрецедентный факт», повлекший самые печальные последствия для руководства института и его партийной организации. На годовой зачетной сессии студентка 3-го курса не смогла ответить на вопрос, кто такой Сталин и какую роль он играет в «нашей большевистской партии». По данному факту бюро обкома ВКП(б) приняло постановление «О недопустимо низком уровне коммунистического воспитания студентов в Немецком сельскохозяйственном институте».

В постановлении вся партийная и комсомольская работа в институте оценивалась как неудовлетворительная, делались серьезные «оргвыводы» в отношении руководства института и партийно-комсомольских функционеров вуза. Последовали частые и тщательные проверки содержания лекционного курса. Результаты проверок показали, что в институте «игнорируется научно-исследовательская работа» (50), «не хватает преподавателей по истории ВКП(б)» (51), а «преподаватель Матисс излагал теорию наследственных качеств, что является частью фашистской теории расовости» (52), и так «у всех на глазах происходит разгром национального вуза: распродажа учебного хозяйства, студенты предоставлены сами себе» (53).

Этот «провал» в идеологическом воспитании и руководстве вуза повлек за собой смену руководства и увольнения преподавателей, которых и так не хватало.

С начала 1930-х гг. повсеместно расширяется преподавание русского языка и начинается борьба с диалектами, что было связано с установлением в Германии фашистского режима.

С этого времени вновь, как и в годы Первой мировой войны, проводится аксиологическая параллель между советскими немцами и немцами Германии. В начале XX в. вышла серия брошюр, в которых отстаивался тезис о мирном завоевании немцами России, доказывая, что немцы – это «вражеский оплот в тылу» (54). Тогда же намечалась тенденция противопоставления немецких колонистов и русских крестьян, немецкой и русской культуры (55). Новый виток «борьбы со всем немецким» в формате изживания «кулацко-националистических элементов» встретил определенное сопротивление как со стороны учащихся, так и со стороны преподавательского состава учебных заведений. Так, отмечалось, что в Педагогическом институте АССР НП студенты первых и вторых курсов, знающие русский язык, на занятиях по русскому языку читали немецкие романы, лекции же, читаемые на русском языке, слушать отказывались, мотивируя это незнанием русского языка (56). В НемСХИ также отмечалось нежелание немецких студентов изучать русский язык. В школах и техникумах отказ изучать русский язык повлек за собой обвинение ряда студентов и преподавателей в «пособничестве фашизму» и репрессивные меры по отношению к тем, кто не желал выполнять это распоряжение правительственных органов (57).

Вернемся к вопросу об идеологической функции, которую должны были выполнять высшие учебные заведения. В «Положении о вузах» цель любого вуза страны определялась, кроме прочего, как «служение интересам пролетарских и крестьянских масс, интересы которых должны стоять на первом месте» (58).

Для решения поставленных задач в Республике в 1931 г. открылся Немецкий коммунистический университет. Это было элитарное учебное партийное заведение, готовившее партийные кадры высшей квалификации для местных партийных и советских органов. В 1932 г. он превратился в вуз всесоюзного значения, т.к. 40% учащихся были из различных немецких национальных районов СССР.

На основе решения ЦК ВКП(б) от 21 октября 1932 г. он был преобразован в Немецкую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу (НВКСШ) им. Сталина с двумя отделениями: первое готовило руководящих работников для МТС, совхозов и колхозов, второе – руководящих работников для кантонных партийных и советских организаций. В начале 1937 г. Немецкая высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа была реформирована. Все ее отделения переходили на двухгодичное обучение, в связи с чем были разработаны новые сокращенные программы обучения. На 150

часов увеличивалось изучение русского языка за счет сокращения времени на изучение немецкого языка и производственную практику. На 100 часов увеличивалась военная подготовка и на 50 часов – физическая. Первые секретари канткомов ВКП(б) несли персональную ответственность за полное укомплектование школы слушателями. В марте 1939 г. НВКСШ была реорганизована в Немецкий колхозный сельскохозяйственный техникум им. Сталина (59).

В 1933 г. в АССР немцев Поволжья при республиканском Госплане был создан Научно-исследовательский комплексный институт (НИКИ) с целью «научного изучения проблем экономики социалистической промышленности и сельского хозяйства, культуры, истории быта, языка и литературы АССР Немцев Поволжья, увязывая эту деятельность с задачами социалистического строительства и народно-хозяйственного плана». В рамках института образовывались секции: промышленно-экономическая, сельхозэкономики и организации колхозного хозяйства, социально-культурного строительства, языка и литературы, истории материальной культуры и революционного движения. НИКИ получил большие права. Ему разрешалось открывать необходимые лаборатории, научные станции, опытные участки, музеи, библиотеки, другие вспомогательные учреждения, организовывать научные экспедиции, конференции и семинары, издавать свой периодический журнал и отдельные научные труды и др. (60).

Кроме означенных выше высших учебных заведений, расположенных на территории АССР немцев Поволжья, следует назвать ряд учебных заведений, также готовивших квалифицированные кадры для работы в различных отраслях экономики автономии. Это – Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), Всесоюзный Коммунистический институт журналистики им. «Правды», Институт массового заочного обучения партийного актива при ЦК ВКП(б), Экономический институт Красной профессуры.

В эти учебные заведения по разверстке посылались и представители Немреспублики (61). Согласно правилам приема, в частности в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, «командированные зачисляются после приемных испытаний и строго медицинского осмотра (венерики и венерастеники не принимаются), студентам предоставляется общежитие, постельное белье, письменные принадлежности, библиотечные книги, пайки и стипендии и не несут трудовую повинность по обслуживанию университета» (62).

Работа вузов Республики была прервана в 1941 г. в связи с началом Великой Отечественной войны. 6 июля Совнарком АССР немцев Поволжья принял постановление «О дополнительном развертывании эвакуогоспиталей», на основании которого директору Немпединститута было предложено освободить основной учебный корпус, а институт разместить в общежитиях и в здании городской школы № 24 (63).

В июне 1941 г. органы власти еще хотели вуз сохранить, дебатировался вопрос о переводе его в Маркштадт (Маркс). Была создана комиссия во главе с директором вуза, которая выехала в Маркштадт и сделала заключение, что перевод вуза невозможен из-за отсутствия площадей для нормальной организации учебного процесса, квартир для преподавателей и базы для проведения педагогической практики, так как в городе работала всего одна русская школа, хотя большинство студентов Немпединститута учились к этому времени на русских отделениях в связи с политикой правительства страны по свертыванию работы национальных школ. Важно было и то, что около 200 студентов проживали в Энгельсе в семьях и с началом войны не могли выехать на учебу в город, куда не было даже железной дороги. Было подготовлено письмо-обоснование на имя заместителя народного комиссара просвещения АССР немцев Поволжья по кадрам о невозможности и нецелесообразности перевода института в Маркштадт.

Пострадала и уникальная научная библиотека. 8 июня 1943 г. исполком Энгельсского городского Совета депутатов трудящихся на своем заседании отметил, что ценная научная литература в беспорядке свалена в сарае стадиона и в бараче Военстроая, где подвергается порче и хищению, а Саратовский пединститут, которому она официально была передана, на протяжении длительного времени никаких мер к охране и приведению в порядок литературы не принимает (64). В целях сохранения научной литературы было принято решение передать ее Центральной городской библиотеке.

Директор института в целях сохранения контингента студентов обратился 2 августа 1941 г. к руководителям Саратовских госуниверситета и педагогического института с просьбой не принимать без направления Немпединститута ни одного студента. Но судьба вуза уже была фактически предопределена. После Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г. последовал приказ Наркомпроса от 19 сентября, которым Немецкий педагогический и учительский институты были закрыты, а все дела и имущество предписывалось передать Саратовскому педагогическому институту (65). Таким образом с началом войны все перечисленные выше учебные заведения Республики прекратили свою работу и система высшего национального образования для советских немцев перестала существовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее ГИАНП). – Ф. Р-847. – Оп. 1. – Д. 348. – Л. 77.
- (2) Там же. – Д. 260. – Л. 6.
- (3) Там же. – Д. 348. – Л. 1,2.
- (4) Там же. – Л. 55.
- (5) Там же. – Л. 58.
- (6) Там же. – Л. 5.

- (7) Там же. – Л. 6.
- (8) Там же. – Л. 51.
- (9) Там же. – Л. 49.
- (10) Там же.
- (11) Трудовая правда. – 1930. – 6 января.
- (12) Областное государственное учреждение «Государственный архив новейшей истории Саратовской области» (далее ОГУ ГАНИСО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2392 а. – Т. 2. – Л. 69.
- (13) Там же. – Д. 1802. – Л. 73.
- (14) ГИАИП. – Ф. Р-847. – Оп. 1. – Д. 348. – Л. 13.
- (15) Там же. – Л. 96.
- (16) ОГУ ГАНИСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1802. – Л. 50.
- (17) ГИАИП. – Ф. Р-847. – О. 1. – Д. 435. – Л. 154.
- (18) ОГУ ГАНИСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2392 а. – Т. 2. – Л. 20.
- (19) Там же. – Д. 4975. – Л. 6.
- (20) Там же. – Д. 1802. – Л. 74.
- (21) Там же. – Д. 1799. – Л. 469.
- (22) Там же. – Л. 470.
- (23) Там же. – Л. 471.
- (24) Там же. – Д. 2392 а. – Т. 2. – Л. 58. Там же. – Д. 1802. – Л. 74. Ibid, d. 1802, l. 74.
- (25) Там же. – Л. 71.
- (26) Там же. – Л. 75.
- (27) Там же. – Д. 2392 а. – Т. 2. – Л. 20.
- (28) Там же. – Л. 62.
- (29) Там же. – Д. 3457. – Л. 86.
- (30) Там же. – Д. 2944. – Л. 31.
- (31) Там же. – Д. 2929. – Л. 86.
- (32) Там же. – Д. 3457. – Л. 72.
- (33) Там же. – Д. 3902. – Л. 26.
- (34) Там же. – Д. 3457. – Л. 73.
- (35) Там же. – Д. 3904. – Л. 24.
- (36) Там же. – Д. 3457. – Л. 67.
- (37) Там же. – Л. 75.
- (38) Там же. – Л. 76.
- (39) Там же. – Д. 2944. – Л. 31.
- (40) Там же. – Л. 25.
- (41) Там же. – Д. 4975. – Л. 6.
- (42) ГИАИП. – Ф. Р-847. – Оп. 1. – Д. 435. – Л. 140.
- (43) Герман А.А. Немецкая Автономия на Волге. 1918–1941. – В 2 ч. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1994. – Ч.2. – С. 205.
- (44) ОГУ ГАНИСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 3462. – Л. 127.
- (45) Там же. – Д. 2169. – Л. 115; Герман А. А. Ук. соч. – С. 206.
- (46) ОГУ ГАНИСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 3902. – Л. 5.
- (47) Там же. – Д. 3904. – Л. 103.
- (48) Там же. – Д. 2362. – Л. 98–99.
- (49) Там же. – Д. 4023. – Л. 125.
- (50) Там же. – Д. 3461. – Л. 16.
- (51) Там же. – Д. 4023. – Л. 22.

- (52) Там же.
- (53) *Липранди А.П.* (Вольнец А.) Германия в России. – Харьков, 1911; Германская колонизация в России и ее тайные задачи. – Киев, 1911; *Поливанов Н.О.* О немецком засилье. – Пг., 1914; *Шелухин С.* Немецкая колонизация на юге России. – Одесса, 1915.
- (54) *Евреинов Г.А.* Российские немцы. – Пг., 1915; *Богдановский А.Е.* Что такое борьба с немецким засильем. – Пг., 1917; *Луппов П.* Немецкие начальные школы в России. – Пг., 1917; *Сергеев И.И.* Мирное завоевание России немцами. – Пг., 1917.
- (55) ОГУ ГАНИСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2362. – Л. 3.
- (56) Там же. – Л. 101.
- (57) Государственный архив РФ (далее ГАРФ). – Ф. А-2306. – Оп. 18. – Д. 629 а. – Л. 1.
- (58) ОГУ ГАНИСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2032. – Л. 4.
- (59) Там же. – Д. 2028. – Л. 21-21 об.
- (60) Там же. – Д. 2028. – Л. 112.
- (61) Там же. – Д. 512. – Л. 15.
- (62) *Ерина Е.М.* К истории образования Немпединститута. // Сообщения Энгельского краеведческого музея. Вып. 5. Немцы в Саратовском Поволжье. – Саратов, 1997. – С. 40.
- (63) Там же. – С. 38.
- (64) Там же. – С. 39.

REFERENCES

- (1) GIANP, f. R-847, op. 1, d. 348, l. 77.
- (2) Ibid, d. 260, l. 6.
- (3) Ibid, d. 348, ll. 1, 2.
- (4) Ibid, l. 55.
- (5) Ibid, l. 58.
- (6) Ibid, l. 5.
- (7) Ibid, l. 6.
- (8) Ibid, l. 51.
- (9) Ibid, l. 49.
- (10) Ibid.
- (11) *Trudovaja Pravda – Labour's true*, 6 January 1930
- (12) OGU GANISO [Regional State Institution "State Archive of Contemporary History of Saratov region"], f. 1, op. 1, d. 2392 a, p. 2, l. 69.
- (13) Ibid, d. 1802, l. 73.
- (14) GIANP, f. R-847, op. 1, d. 348, l. 13.
- (15) Ibid, l. 96.
- (16) OGU GANISO, f. 1, op. 1, d. 1802, l. 50.
- (17) GIANP, f. R-847, op. 1, d. 435, l. 154.
- (18) OGU GANISO, f. 1, op. 1, d. 2392 a, l. 20.
- (19) Ibid, d. 4975, l. 6.
- (20) Ibid, d. 1802, l. 74.
- (21) Ibid, d. 1799, l. 469.
- (22) Ibid, l. 470.
- (23) Ibid, l. 471.
- (24) Ibid, d. 2392 a, p. 2, l. 58.

- (25) Ibid, l. 71.
- (26) Ibid, l. 75.
- (27) Ibid, d. 2392 a, p. 2, l. 20.
- (28) Ibid, l. 62.
- (29) Ibid, d. 3457, l. 86.
- (30) Ibid, d. 2944, l. 31.
- (31) Ibid, d. 2929, l. 86.
- (32) Ibid, d. 3457, l. 72.
- (33) Ibid, d. 3902, l. 26.
- (34) Ibid, d. 3457, l. 73.
- (35) Ibid, d. 3904, l. 24.
- (36) Ibid, d. 3457, l. 67.
- (37) Ibid, l. 75.
- (38) Ibid, l. 76.
- (39) Ibid, d. 2944, l. 31.
- (40) Ibid, l. 25.
- (41) Ibid, d. 4975, l. 6.
- (42) GIANP, f. R-847, op. 1, d. 435, l. 140.
- (43) German A. *Nemeckaja avtonomija na Volge* [Autonomy on the Volga. 1918–1941]. Saratov: Saratov State University, 1994, part 2, p. 205.
- (44) OGU GANISO, f. 1, op. 1, d. 3462, l. 127.
- (45) Ibid, d. 2169, l. 115; German A. Ibid., p. 206.
- (46) OGU GANISO, f. 1, op. 1, d. 3902, l. 5.
- (47) Ibid, d. 3904, l. 103.
- (48) Ibid, d. 2362, l. 98–99.
- (49) Ibid, d. 4023, l. 125.
- (50) Ibid, d. 3461, l. 16.
- (51) Ibid, d. 4023, l. 22.
- (52) Ibid.
- (53) *Liprandi A.P. (Volynets) Germanija v Rossii* [Germany in Russia]. Kharkov, 1911; *Germanskaja kolonizacija v Rossii i jejo tajnyje zadachi* [Liprandi AP (Volynets) German colonization in Russia and its secret task]. Kiev, 1911; *Polivanov N.O. O nemeckom zasilii* [Polivanoff N.O. On the German dominance]. Pg., 1914; *Shelukhin S. Nemeckaja kolonizacija na juze Rossii* [Shelukhin S. German colonization in southern Russia]. Odessa, 1915.
- (54) *Jevreinov G.A. Rossijskije nemcy* [GA Evreinov Russian Germans]. Pg., 1915; *Bogdanovskij A.E. Chto takoj borba s nemeckim zasiljem* [AE Bogdanovsky What is the fight against German domination]. Pg., 1917; *Luppov P. Nemeckije nachalnyje shkoly v Rossii* [P.Luppov German primary schools in Russia]. Pg., 1917; *Sergejev I.I. Mirnoje zavojevanije Rossii nemcami* [I.I. Sergeev Peaceful conquest of Russian Germans]. Pg., 1917.
- (55) OGU GANISO, f. 1, op. 1, d. 2362, l. 3.
- (56) Ibid., l. 101.
- (57) GARF. f. A-2306, op. 18, d. 629 a, l. 1.
- (58) OGU GANISO, f. 1, op. 1, d. 2032, l. 4.
- (59) Ibid., d. 2028 3, l. 21–21ob.
- (60) Ibid., d. 2028, l. 112.
- (61) Ibid, l. 512.

- (62) Jerina E.M. K istorii obrazovanija Nempedinstituta, *Soobshenija Engels'skogo krajevedcheskogo museja* [Collection of museum of Engels]. Saratov, 1997, issue 5, p. 40.
(63) Ibid, p. 38.
(64) Ibid, p. 39.

NATIONAL MODEL OF HIGHER EDUCATION IN GERMAN AUTONOMY

B.V. Gartvig

Department of Sociology, Political Science and Russian History
Samara State Technical University
Molodogvardeyskaya Str., 244, Samara, Russia, 443100

The article analyzes the process of the higher education system in the Volga German Autonomous SSR in 1920–1930. The main aim of the work is to examine the basic assumptions and key moments of opening higher education institutions for the training of professional managerial personnel for the party apparatus of the republic, teaching staff for schools, professionals in the field of agriculture as well as places of compact settlement of Germans in the Soviet Union. Among other things are the difficulties faced by the universities of German autonomy in the period of its activity, namely the lack of funding, facilities and premises for training, lack of qualified personnel to teach in their native language, lack of students. This study led to the conclusion that most of all the described processes were characteristic of the education system throughout the country. And the Soviet government, taking into account national peculiarities and economic needs of the republic, acted aggressively to set up a clear structure of the Soviet educational institutions by expanding the network of national institutions with instruction in the native language.

Key words: higher education, Volga German Autonomous SSR, administrative staff, party apparatus, German Pedagogical Institute, German Agricultural Institute, national staff.